

III. ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ» (25–27 ноября 2005 г., Варшавский университет)

Конференция была организована Институтом прикладной лингвистики Варшавского университета. В ней приняло участие около ста докладчиков, осветивших самые разные проблемы перевода, как устного, так и письменного, как художественного, так и делового и отраслевого. Хотя доклады на конференции не были разнесены по тематическим блокам, мы выделили бы следующие проблемы.

1. Перевод как коммуникативная деятельность

На пленарном заседании Малгожата Трыук (Польша) в докладе «Образ отраслевого синхронного переводчика. От невидимого переводчика к переводчику – участнику принятия решений» рассказала о так называемом ситуативном переводе как подтипе устного перевода и о работе переводчика в экстремальных условиях. Перевод сравнивался с зеркалом, стеклом («переводчик не является прозрачным стеклом»), каналом протекания информации. Трыук подчеркивала, что как бы ни убеждал нас переводчик, что хочет остаться незаметным пассивным инструментом коммуникации, портрет этот нереален, так как ситуации такого вакуума в жизни просто не бывает. По сути своей переводчик, как показывают исследования, координирует коммуникацию. Устный переводчик – это одновременно и слушатель, и оратор. Находясь в центре обмена мнениями, он перерабатывает информацию, контролирует и ко-

ординариует ход коммуникации. При этом переводческая этика наказует ему оставаться незаметным. В документах, касающихся переводческой деятельности, отмечается, что задачей переводчика является обеспечение процесса перевода. Согласно этим документам переводчик не должен влиять на коммуникацию, тем не менее он постоянно оказывает на нее влияние. Работа переводчика должна характеризоваться профессиональной нейтральностью, сохранением принципа верности оригиналу, в котором переводчик ничего не имеет права менять.

Трыук обращается к Польскому кодексу присяжного переводчика, разработанному Данутой Кежковской (председателем Польского общества судебных, правовых и экономических переводчиков ТЭПИС), согласно которому обязанность переводчика – верно отражать не только переводимый текст, но и специфику языка. Подчеркивается, что переводчик должен переводить текст в том же лице, в каком этот текст им получен. Трыук подчеркивает, что решаемые переводчиком задачи исключительно специфичны и наделяют его определенной властью. Переводчик вовлечен в роль слушателя и в то же время он – повествователь и репортер, тот, кто может что-либо добавить. Он одновременно выступает в роли говорящего, воспринимающего и продуцирующего текст. Ситуативный переводчик на конференции психотерапевтов, к примеру, участвует в эксперименте.

Переводчик и участники переговоров как бы заключают между собой пакт. Вопреки принципу нейтральности переводчик невольно становится участником событий на конференции: так, иностранец обращается непосредственно к нему. Трыук подчеркивает, что нейтральность роли переводчика – это иллюзия. При этом сам переводчик тоже осознает, что у него особая роль – возможно, центральная роль в процессе коммуникации.

В докладе У. Заливской-Окрутной (Польша) «Перевод в свете коммуникативной деятельности» были даны дефиниции перевода, описывались современные тенденции в сфере перевода. Заливска-Окрутна подчеркивает, что границы языков являются границами миров. Переводчик является центральным элементом системы межкультурной коммуникации; он осуществляет анализ текста. В процесс коммуникации он включается «всем собою». Ум не является ни автоматом, ни совокупностью объектов; это не есть

определенный состав символов и правил. Нарушения коммуникации возникают, когда нет непосредственного взаимодействия между ее участниками. Ставятся проблемы стандартов оценки переводческой интерпретации, привлечения к исследованиям процесса перевода этнometодологии и герменевтики. Рассматриваются условия эффективности коммуникации как интерактивного вида деятельности. Обращение к интеграционизму постулирует взаимодействие языка и других систем коммуникации. В дефинициях перевода коммуникация выполняет фоновую роль. Перевод представляет собой сложную ментальную операцию, при этом процесс перевода – это аппроксимация, а не эквивалентность. К переводчику надо относиться как к целостному явлению, позиция которого оказывает большое влияние на восприятие текста.

2. Проблемы перевода терминологии

Уршуля Патоцка-Смигловы (Польша) в докладе «Проблемы перевода терминологии Евросоюза» подчеркнула, что актуальной проблемой является перевод терминологии, употребляемой в официальных, промышленных и правовых кругах Европы. Такая терминология представляет собой костяк специальной лексики и фразеологии, употребляемой в Евросоюзе. Формирование стабильной системы терминов Евросоюза в русском и польском языках связано с необходимостью перевода всех европейских документов. Многие термины не имеют аналогов ни в русском, ни в польском языках, поэтому со стороны переводчиков требуются большие усилия по их переводу. Положение усугубляется еще и тем, что нередко тексты на английском, французском и немецком языках не полностью совпадают, не во всем друг другу идентичны. Однако, как подчеркивает Патоцка-Смигловы, такая ситуация нередко помогает уяснить смысл некоторых понятий и параграфов, так как работа протекает через сравнение нескольких вариантов одних и тех же документов на разных языках.

Указывалось, что даже такие слова, как *Europe* и *European* в контексте Евросоюза получают специфическое наполнение. Так, когда жители стран Евросоюза говорят «*European countries*», они часто имеют в виду только страны Евросоюза, не включая сюда Россию и другие страны Европы, не входящие в Евросоюз. Анало-

гично дела обстоят с соотношением понятий *европейское право – право Европы*. В русской литературе предмета вместо *право сообществ* часто употребляется термин *коммунитарное право* (на базе французского слова «ссо́mmunauté», т.е. «сообщество»). Патоцка-Смигловы полагают, что наиболее адекватным переводом является «право сообществ» и указывает, что нельзя отождествлять *европейское право и право сообществ* (польск. – *prawo Wspólnot*). Понятие *европейское право* (*prawo europejskie*) выходит за рамки норм, принятых в государствах Евросоюза; под ним понимается исключительно широкая правовая система, содержащая предписания, касающиеся не только сообществ, но и акты, принимаемые другими европейскими организациями или носящие характер международных договоров и соглашений. Особое место среди правовых документов занимают Европейская конвенция прав человека и Европейская социальная хартия (*Europejska karta socjalna*).

Патоцка-Смигловы указала на основную задачу переводчика разъяснить, насколько концептуальное образование, определяемое конкретным термином Евросоюза, имеет свое соответствие в русской и польской действительности. И хотя лингвист не всегда способен решить этот вопрос в окончательном плане, особенно когда речь идет о специфических понятиях из разных областей знаний, тем не менее переводчику нередко удается подобрать русские и польские термины со сходными значениями в качестве эквивалента исходного термина на иностранном языке – с тем что соответствие не является полным по всем параметрам.

Сложно, к примеру, подобрать соответствие популярному выражению *public procurement*. На русском языке ближе всего «государственный заказ» (аналогично польск. – *zamówienie publiczne*). Но переводчик не в состоянии осуществить глубокий анализ и выяснить, полностью ли соответствуют друг другу эти понятия, характерные для русской, польской и западноевропейской экономической и правовой систем, если учесть различия роли государства в этих системах. При этом в разных документах выступают разные варианты перевода *procurement* и словосочетаний с этим элементом. *Procurement* – это в первую очередь снабжение, деятельность по приобретению товаров и услуг, обычно на конкурсной основе. *Procurement agent* – агент по снабжению (специализированной фирмы, отобранный для осуществления закупок, приобретения ма-

териалов, оборудования или услуг) от имени нанимающего органа. *Public procurement* – государственный заказ (польск. – *zamówienie publiczne*), госзакупки, госпоставки. *Procurement programmes* означает «правительственные программы закупок». Отсутствие у этого термина денотата представляет собой яркий пример крайней сложности перевода в семантическом отношении.

Указывалось на то, что в наши дни в русском и польском языках бытует много терминов из стран с более развитой экономикой. Когда в Польше отсутствовал денотат европейских реалий, транслитерация была единственным способом перевода. Сейчас заимствуются не только термины, но и реалии. Патоцка-Смигловы задается вопросом – всегда ли транслитерация является обоснованным методом перевода или в результате анализа можно подобрать аналогичный или близкий термин? Отмечалось, что русские переводчики чаще всего применяют транскрипцию и транслитерацию. Патоцка-Смигловы обратила внимание на то, что в терминологической школе МГУ им. М.В. Ломоносова главный упор делается на дефинируемость термина, его точное соотношение с научным определением.

В англо-русском словаре слово *audit* (польск. – *audyt*) переводится как «проверка счетов», «ревизия отчетности», а специалисты используют термин «аудит» и производный от него глагол *audytować* (букв. – «аудитировать»). Ею затрагивались также проблемы перевода термина *subsidiarity*, означающего разные типы децентрализации. Как возможный русский вариант предлагалось «делегирование полномочий» (*subsydiarność*).

Указывалось, что хотя задачи сотрудников Совета Европы в плане перевода значительно упрощены, так как в этой организации используются только два официальных языка – английский и французский, тем не менее актуальной проблемой является перевод юридических терминов, что связано с культурными различиями и спецификой каждой из стран. Базовые различия связаны с различиями понятийных систем общего и континентального права (польск. – *prawa ogólnego i kontynentalnego*). Французские правовые термины относятся к континентальной правовой системе (*continental law*), характерной для многих европейских стран. Переводчики из ЕС применяют следующие методы перевода терминов: 1) используют уже функционирующие эквиваленты; 2) применяют

буквальный перевод; 3) производят заимствования из языка-источника; 4) создают неологизмы.

Перевод лексемы *national* на русский язык кажется очевидным: во множественном числе это граждане, выходцы, уроженцы. Приводились разные варианты ее перевода на русский язык. *Nationality: workers of Russian nationality* – работники – российские граждане, *the nationality of the product* – происхождение товара (польск. – *pochodzenie towaru*). Но перевести таким образом можно не всегда – нередко перевод следует предварять тщательным анализом. В Евросоюзе слово *national* используется в разнообразных значениях (хотя нередко его рассматривают как синонимичное лексемам *citizen* и *subject*), и круг его реальных значений шире, чем это принято считать. Российским и польским переводчикам трудно выявить, понять и передать эти значения. Нейтральными вариантами, мало контекстно зависимыми, являются «представитель государства» (польск. – *przedstawiciel państwa*), «представитель страны» (польск. – *przedstawiciel kraju*). Между указанными вариантами проступают определенные семантические различия оттеночного плана. Указывалось, что в такой относительно новой терминологической системе, какой является терминология, употребляемая в Евросоюзе, семантическим трансформациям подвергаются не только термины, но и слова общелитературного языка.

В докладе В.Г. Кульпиной (Россия) «Некоторые проблемы польско-русской общенациональной лексикографии» обсуждались вопросы отбора словника для общенационального словаря, состава общенационального словаря и его адресации, проблемы эквивалентики общенациональной лексики в близкородственных языках.

3. Проблемы перевода художественной литературы

Общие проблемы перевода художественной литературы прозвучали в докладе Дороты Урбанек (Польша) «Интертекстуальность – эквивалентность – мимезис». Урбанек показала причины разнородности и противоречивости концепций перевода, выявила общие механизмы конструирования теории перевода на базе концепции мимезиса. Ее интересовали также проявления категории интертекстуальности в переводах.

Докладу Урбанек созвучен был доклад М. Лясковского (Польша) «Интертекстуальность через призму проблематики трансляции на примере отдельных текстов».

Доклад Анны Шченсны (Польша) «Le petit prince и Маленький принц – о некоей переводческой серии» был посвящен переводам на русский язык «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери. Всего на русский язык было сделано 12 переводов, и докладчица детально анализирует каждый из них с точки зрения стилистики и адекватности языковой материи оригинала, давая переводам и переводчикам непредвзятую и в то же время выверенную оценку по целому ряду параметров.

Людвика Мостович (Польша) в докладе «Переводы польской классики: Модели диалога, парадокса, межкультурного соглашения» рассказала о работе Центра межкультурного перевода в Кракове (Ośrodek przekładu międzynarodowego w Krakowie). Она обращает внимание на греко-латинские и иудейско-христианские духовные основы художественной литературы (сюжеты, перифразы); переводчик всегда должен держать в поле зрения эти универсальные корни культуры, и осознание этого факта явится для него большой помощью. Постоянно, во всех своих произведениях, к латинскому и греческому наследию обращается Ян Кохановский. Л. Мостович подчеркнула, что на универсальных корнях базируются модные сейчас исторические романы, и эти корни представляют собой сверхценность, фонд шедевров, их корни и их излучение.

Многие доклады были посвящены переводам англоязычной и испаноязычной художественной литературы – испанской, кубинской, парагвайской и др.

4. Проблемы перевода литературы для детей и молодежи

Проблемам переводов литературы для детей и молодежи участниками конференции уделялось особое внимание.

Сильвия Лизелинг-Нильсон (Швеция) в докладе «Перевод культурных элементов в литературе для детей со шведского на польский» обратила внимание на то, что имеется две школы перевода литературы для детей: 1) как можно меньше манипуляций, 2) надо быть верным детям в смысле применения к иноязычной

культуре родного для ребенка культурного кода. Особенно детально она остановилась на переводах на польский язык произведений Астрид Линдгрен.

В докладе Кшиштофа Хейловского (Польша) «Украшательство в переводе» на примере переводов классических англоязычных стихотворных произведений детской литературы (таких, например, как «Вини Пух») ставились вопросы нарушений переводчиками когнитивно-коммуникативных смыслов и идеологии оригинала, возникающих из-за литературных склонностей самих переводчиков и их стремлений к украшательству текста транслята.

Эдита Манаstersка-Венцек (Польша) выступила с докладом «Названия реалий как носитель чуждого в переводах польской детской поэзии Юлиана Тувима и Яна Бжехвы». Тувим и Бжехва – самые популярные детские поэты, именно их произведения чаще всего переводятся на языки мира, поэтому на переводы их произведений, на подыскивание эквивалентики для выступающих у них польских реалий обращается особое внимание. При переводе литературного произведения, являющегося фрагментом определенной культуры, где все было взаимосвязано, текст «врывается» и «вдавливается» в чужую культуру, в искусственную для его функционирования среду.

Докладчица подчеркивала, что на оригинальные и вторичные тексты смотрит с точки зрения адресата-ребенка. Специфика литературы для детей состоит в том, что чтение литературного произведения помогает, а часто является средством формирования эмоционального слоя в психике ребенка, мира чувств личности. Были отмечены специфические функции детской литературы, особые внутритекстовые категории, ее функции объяснения мира, освоения предметного мира и мира явлений. Детская литература учит человечности, показывает красоту, ценности, затрагивая эмоции. Детское воображение активно, без торможения. Из литературы ребенок узнает, что может кое-что в себе изменить и улучшить. Литература от беззаботных детских лет направляет к ответственной творческой жизни.

В поэтике детская картина мира как сфера эмоций и рефлексии – это то, что трудно исследовать и измерить, так как она не дана и не обнаруживается в непосредственном наблюдении. Естественным элементом интеллектуального развития личности ребенка

является подражательное поведение во многих сферах жизни, естественные поиски личностных образцов, идентификация с другими или поиски своего «я». Подражательная активность проявляется в общности с героями литературного произведения. Чуждое в переводе всегда присутствует (и должно присутствовать). Потенциальные носители чуждого – имена собственные, адресивы, названия реалий. В зависимости от их употребления речь может идти об адаптации реалий или об экзотизации текста на их основе.

В докладе назывались критерии отнесения явлений к реалиям на основе работ С.И. Влахова и С.П. Флорина: их предметное, локальное, хронологическое и переводческое деление, деление реалий на свои и чужие, кальки, названия чуждых для данной культуры объектов, внутренние – относящиеся к одному из языков и чуждые для других, и внешние – чуждые для других языков. Чуждо звучащие слова пробуждают интерес ребенка, но при этом надо максимально облегчить их восприятие. В переводах на русский язык нередко выступает явление нейтрализации реалий, но встречаются и попытки внедрить чуждое, обратить на них внимание. В целом же при переводе реалий применяются методы адаптации или экзотизации перевода. При этом важно, на что сделать упор, как соблюсти оптимальные пропорции, чтобы изменения не нарушали характер культуры исходного текста. В случае адаптации исчезает чуждое, зато возникает несоответствие с оригиналом, возникают потери. Но тем не менее перевод не должен нарушать уже сложившееся восприятие мира.

Магдалена Митура (Польша) в докладе «Женщины, дети и животные у Б. Виана и его польских переводчиков» осуществила анализ переводов на польский язык произведений Б. Виана и других французских писателей и пришла к выводу о неидентичности формируемой в переводах картины мира исходной картине мира французского оригинала. Прежде всего эти различия демонстрировались ею на примере использования польскими переводчиками деминутивов – там, где французский текст абсолютно нейтрален. Польские языковые средства, передающие уменьшительность и ласкательность, формируют симпатию к героям произведений. Деминутивы образуются от названий частей тела (ручка, ножка), деминутивное пространство образуется с помощью уменьшительных

прилагательных типа «тепленъкий», «легонъкий», от уменьшительных названий частей гардероба, от имен собственных и т.д.

В то время как французский повествователь нейтрален, в переводе манифестируются симпатии к героям произведений. Переводчик манифестирует свою точку зрения, свое отношение к героям произведений. М. Митура полагает, что использование в польских переводах большого количества деминутивов типа *kaszka z mleczkiem* (кашка с молочком), *braciszek* (бротишк), *sierotki* (сиротки) может вульгаризировать текст, в частности вульгаризировать облик женщины, и в любом случае означает сильное вмешательство переводчика в формируемую в переводе картину мира произведения. Приводятся конкретные примеры: там, где во французском оригинале цыплята – в польском переводе цыплятки (*kurczaczki*), по-французски к детям обращаются *бедная капуста* – в польском переводе фигурирует *мои блошки* (польск. – *moje pchelki!*). В польских переводах получается, что мир взрослых значительно отделен от мира детей. В польском языке больший эмоциональный заряд, в слова постоянно включается выражение сочувствия. Митура рассмотрела диверсификационные основы уменьшительности, которая помогает передать психику животных, сочувствие к ним, особенно к маленьким животным (к мыши), передать маленькие размеры их жизненной среды. В то же время Митура указала, что мелкие изменения, внедряемые переводчиками, могут приводить к крупным изменениям на уровне текста.

5. Проблемы письменного отраслевого перевода

Доклад Мачея Станашека (Польша) «Переводчик как повар-теоретик: о переводе названий австрийских кулинарных изделий на польский язык» был посвящен анализу переводов кулинарных реалий с точки зрения прагматики их перевода. Доклад базировался, в частности, на следующих примерах: *Wiener Schnitzel* имеет польские соответствия *sznycel po wiedeńsku* («шницель по-венски»), *kotlet schabowy* («свиная отбивная»); *Powidlitascherl* – *pierogi z powidlem* («сочники с повидлом»), *pierogi z nadzieniem śliwkowym* («сочники со сливовой начинкой»), *kieszonki z powidlami* («карманчики с повидлом»), *knedle z powidlami* («кнедли с повидлом»). *Apfelstrudel mit einer strucla* переводится как *strudel jabłkowy* («ябл-

лочный струдель»), jabłecznik («яблочник»), strudel z jabłkami («струдель с яблоками»), rolada jabłkowa («яблочный рулет»). Kaiserschnirren переводится как omlet cesarski («императорский омлет»), omlet w kawałkach («омлет кусочками»), omlet szarpany («рваный омлет»), cesarskie okruchy («императорские крошки»), omlet z rodzynkami, podawany w kawałkach («омлет с изюмом, подаваемый в кусочках»).

Станашек описал стратегию перевода названий кулинарных изделий, представляющих собой реалии: 1) перенос оригинального названия (с возможными графическими и флексионными модификациями в зависимости от требований языка перевода); 2) перенос + паратекст = текст, добавленный переводчиком; 2а) перенос названий оригинала + лаконичные разъяснения в скобках; 2б) перенос оригинального названия + соответствие в скобках (или наоборот, но тогда текст явно будет носить информационный характер); 3) модификация (формально-содержательная); 3а) перенос названия оригинала + добавление определений (скрытый паратекст); 3б) соответствие (или лаконичное название неизвестного блюда). Станашек пришел к выводу, что переводчик, чтобы правильно перевести названия кулинарных изделий, должен вникать в детали состава блюд, процесса их производства, особенности их внешнего вида и вкуса.

6. Проблемы перевода текстов СМИ

Доклад Эвы Грушчиньской (Польша) «Переводчик СМИ – тайный создатель действительности» был посвящен некоторым терминологическим уточнениям, связанным с терминами *medium*, *mediumiczny* (исходно «легко подвергающийся гипнозу»), *mediumistyczny*; она провела различия между этими понятиями, дифференцировала их, проследила развитие семантики слова *medium*. В отношении переводчика текстов СМИ в польском языке применяется термин *łumacz medialny* («медиальный переводчик»). Подчеркивается, что переводчик СМИ находится в центре коммуникативной цепи, выполняя функцию создателя такого текста. Важная категория СМИ – это нацеленность на адресата, переводчик же формирует эту адресивную функцию. На сегодняшний день тот факт, что это переводчик формирует мир, пока еще оста-

ется тайной. Читатель же формирует образ. Функцией заголовка в первую очередь является обобщение содержания. В переводе заголовки подвергаются изменениям. Способы манипулирования действительностью принципиально не меняются с древнейших времен, в том числе и в переводных текстах. Сопоставительный анализ показывает, что между названиями статей на иностранных языках и их переводами на польский язык наблюдаются большие различия. Э. Грушчиньска указала, что после прокладки телефонного кабеля через Ла-Манш в XIX в. особенно возросла потребность в информации и переводах, и переводчик СМИ стал анонимен. Переводы осуществляют журналисты, влияя при этом на формирование нашей картины мира. При этом нередко при переводе возникают разного рода добавления информации. Это могут быть добавления эмоционального плана. Так, польские заголовки всегда более эмоциональны по сравнению с их англоязычными оригиналами. В целом польская картина мира на основе анализа переводов предстает как более драматичная, а английская – скорее как нейтральная.

7. Проблемы перевода научно-фантастических произведений

В докладе Дороты Гуттфельд (Польша) «Проблемы перевода культурных элементов в переводах фантастики с английского на польский» ставилась проблема англоцентризма научной фантастики. Фантастика относится к онтологически независимому жанру, выступающие в научно-фантастической литературе географические названия не связаны с определенным местом. Тем не менее мир фантастики остается англосаксонским, что находит свое отражение и в действиях переводчиков такой литературы.

Агнешка Покойска (Польша) в докладе «Фиктивный мир Яспера Форда в польском переводе» рассмотрела особенности так называемой альтернативной действительности уэльского писателя, в которой фиктивные элементы часто выступают на фоне реальных. Анализировались способы перевода неологизмов в произведениях этого автора.

8. Актуальные проблемы языкоznания

Эти проблемы освещались в докладе Тересы Добжиньской (Польша) «Метафоры и контексты», который был посвящен железнодорожной метафоре как виду тропа, распространенного в общественно-политической, художественной литературе и в песенной поэзии (*локомотив истории* у Маркса, понимаемый в аксиологическом плане как быстрое продвижение вперед). В связи с этой тематикой затрагивались проблемы мобильности переносных значений, языковых поисков коннотативного элемента как базы для метафоры. Железнодорожные метафоры нередко выражали стремление к свободе. Преклонение человека перед техникой датируется концом XIX в., в языке это проявляется в употреблении соответствующих метафор, связанных с работой машин и механизмов. Железнодорожная метафора представляет собой часть художественной структуры модернизма. Метафоризируются разные способы движения – по дороге, пешком, на телеге. Старые конструкции воссоздаются на новом материале. Распространяются ориентирующие метафоры: двигаться, идти вперед – в будущее. Современные метафоры часто носят компьютерный характер. Добжиньска отметила необычайную суггестивность таких метафор.

9. Проблемы перевода кинофильмов

Данные проблемы затрагивались в докладе Кристины Купицкой (Польша) «Перевод тоже как луковица, т.е. о переводе «Шрека»». Название доклада является перифразой одной из ключевых фраз из фильма «Шрек» (2001, режиссеры А. Адамс и В. Дженсон, перевод Бартоша Вежбента). В докладе сравнивались польский и английский тексты фильма, изменения, внедренные в текст транслята и влияющие на восприятие фильма. Ставились проблемы передачи юмора. Часть юмора, опирающегося на языковую игру, поддается переводу непосредственно; кроме того, в качестве компенсации за утраченную игру слов, вводится новая игра слов, отсутствующая в оригинале. Иначе подаются некоторые понятия – имеет место их адаптация к польской культуре, и таким путем проясняются интертекстуальные отнесенности, которые в пределах польской культуры могли остаться непонятыми. Часть

понятий приходится менять, но многие интертекстуальные связи сохраняются и свидетельствуют о культурных аналогиях Америки и Польши. Широко используются коллоквиализмы и особенности грамматической структуры польского языка. В результате этих операций герои воспринимаются как польские.

10. Проблемы порядка слов

Эти проблемы прозвучали в докладе Татьяны Синявской-Суйковской (Белоруссия и Польша) «Век с национальным колоритом, или Порядок слов в русском и польском языках в аспекте перевода» – в нем говорилось о причинах появления элементов чуждого, связанных с неестественностью порядка слов. Проявления такого порядка слов были названы докладчицей «нежелательным эффектом актуализации синтаксической инородности». Собственно говоря, речь идет об ошибках, когда в планы переводчика не входило создание эффекта чуждого, но неверный порядок слов привел к такому результату (в том числе и комическому). Докладчица ссыпалась на Яна Мазура, доказавшего на основе сопоставления русского и польского языков, что порядок слов в этих языках не является свободным (как это принято считать), но подчиняется определенным закономерностям. Синявска-Суйковска предприняла сопоставительный анализ актуального членения в польском и русском языках и осуществила классификацию ошибок, возникающих в случае его неверной интерпретации. Это ошибки, связанные с нарушением основного порядка слов, с нарушением связности текста, с неверным использованием и размещением анафорических и указательных местоимений и именной части сказуемого. Проблемы нарушений порядка слов следует рассматривать в аспекте прагматики перевода.

11. Проблемы перевода грамматических конструкций

Они затрагивались в докладе Александры Валькевич (Польша) «Формы сослагательного наклонения во французском языке в переводе на польский язык». Доклад представляет интерес с точки зрения разнообразия способов и вариантов перевода форм французского сослагательного наклонения на польский язык с помощью

целого ряда конструкций, далеко не всегда базирующихся на формах польского сослагательного наклонения.

12. Проблемы сурдоперевода

Проблемы сурдоперевода рассматривались в русле проблематики синхронного перевода, но не только. Так, Александра Калата-Завлоцка (Польша) выступила с докладом «Мир языка жестов», очертив всю проблематику перевода для слабослышащих. Дагмара Новак-Адамчик (Польша) выступила с докладом «Библия для неслышащих – специфика перевода фрагмента Священного Писания на основе языковых возможностей молодежи с пороками слуха».

*В.Г. Кульпина,
В.А. Татаринов,
Д. Уранек*